

въ Разумѣ Человѣческій (именно, что надо быть взрослымъ и разумнымъ, чтобы познать Истину и что все, что разуму представляется невѣрнымъ—надо отбрасывать), то—казалось бы,—такое ученіе, какъ Христово, гдѣ прежде всего требуется отъ человѣка отказаться отъ „взрослости“ и разумности,—слѣдовало бы просто откинуть, какъ „нераумное ученіе“ и „составлять“ свое собственное, не называя его учениемъ Христа.

Но Толстой этого не смогъ сдѣлать оттого, что кромѣ вѣры въ разумѣ (рабомъ котораго онъ привыкъ себя чувствовать), у него въ душѣ есть и искреннее желаніе познать истину. И эта „искренность“ указала ему, что Истина въ Христѣ.

Вотъ и получилось: Истина—въ Христѣ, а люблю и вѣрю только разуму своему.

И чтобы какъ нибудь изъ этого выйти, Толстой и сталъ дѣлать нехорошее дѣло: передѣлывать по своему ученіе Христа и такъ успѣшно „передѣлалъ“, что отъ него рѣшительно ничего существенного не осталось.

Если взять „ученіе Христово“ и „ученіе Толстого“ и спросить: какая между ними разница?—то такъ же, какъ когда дѣти, играя, спрашиваютъ другъ друга: „какая разница между улицей и курицей?“ надо отвѣтить: „та разница,—что сходства нѣтъ“.

И первая главная неправда, которую придумалъ Толстой, чтобы „примирить непримиримое“, состоится въ томъ, что вмѣсто состоянія неразумнаго младенца, которое ставитъ Христосъ, какъ условіе для постиженія Истины,—поставилъ разумѣ, изъ котораго и все остальное вытекаетъ.

Онъ дѣлаетъ такъ: называетъ разумѣ человѣческій—духомѣ Божиимъ и говоритъ, что „Христость открылъ Своимъ учениемъ и жизнью, что духъ Божій (понимай разумъ) живеть въ каждомъ человѣкѣ“ (ученіе Христа для дѣтей стр. 1). А чтобы не всѣмъ было сразу ясно, что это за духъ Божій, онъ на первой страницѣ называетъ его любовію. Но что это не любовь, а разумѣ, мы это сейчасъ увидимъ, припомнивъ нѣсколько мѣстъ изъ другихъ его сочиненій, гдѣ онъ не считалъ нужнымъ перегодливать свой духъ Божій въ чужую одежду,—и просто называетъ его вездѣ своимъ именемъ: („Что дѣлать“ стр. 110) „Не лгать, не принимать при-